

О ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ Кавказа: на примере ГЪУБОНИГЪО — ДЖЕГОНАССКИХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

В.И. Колесов

Владимир Игоревич Колесов | <https://orcid.org/0000-0003-1206-299X> | vovakolesov1971@gmail.com |
независимый исследователь (г. Краснодар, Россия)

Ключевые слова

группообразование, горские евреи, локальные группы, параметры группы, Северо-Западный Кавказ

Аннотация

В статье ставится вопрос о перспективности изучения локальных групп, входящих в более крупные общности. В качестве таковой общности выступают горские евреи Кавказа, а анализируемой локальной группой — джегонасские евреи, *гъубонигъо* (кубанские). Рассматриваются различные параметры групповой организации: локальная идентичность и ее сочетание с иными идентификационными моделями, религиозность, элементы материальной культуры (жилище, система питания, костюмный комплекс) и традиционной хозяйственной деятельности (кожевничество и меновая торговля). Прослеживается история от формирования группы в начале XIX в. до ее фактического исчезновения в середине XX в. Делаются выводы об определенной специфике выделяемой группы по всем вышеназванным параметрам.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23-28-00106]
(Организация финансирования — Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Этнологическая наука одной из своих целей всегда ставила изучение функционирования этнических групп (Богораз 1921: 4), включая в данную предметную область этносоциальные общества, религиозные группы (секты, течения), “племенные” аборигенные общности и иные формы групповой организации. В отечественной этнологии самым обсуждаемым долгие годы был концепт *этнос* (народ как вид устойчивой социальной группировки, возникший в результате естественно-исторического процесса и обладающий внутренним единством и специфическими чертами — самосознанием, языком, общностью материальной и духовной культуры [Бромлей, Марков 1982: 5]), ставший доминантным дискур-

Статья поступила 12.08.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 02.09.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Колесов В.И. О локальных группах горских евреев Кавказа: на примере *гъубонигъо* — джегонасских горских евреев // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 29–47. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050033> EDN: ASXCFE

Kolesov, V.I. 2024. O lokal'nykh gruppakh gorskikh evreev Kavkaza: na primere *g'ubonig'o* — dzhegonasskikh gorskikh evreev [On Local Groups of Mountain Jews of the Caucasus: The Case of *g'ubonig'o* — Dzhegonas Kuban Jews]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 29–47. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050033> EDN: ASXCFE

сом во второй половине XX в. благодаря трудам Ю.В. Бромлея (см., напр.: *Бромлей* 1983), Л.Н. Гумилева (см., напр.: *Гумилев* 1993) и их последователей в разных водах этой идеи. С середины 1990-х годов наблюдался пересмотр теории этноса, вплоть до манифестации “Реквиема по этносу” (*Тишков* 2003). Многочисленные дискуссии *pro et contra* продолжаются до сих пор¹ — можно лишь констатировать, что если в породившей понятие *этнос* этнологии к нему отношение рефлексивное, то в остальных областях гуманитарного знания, как ни парадоксально, *этнос* не только прижился, но и превратился в априори существующий объект. Для зарубежной социокультурной антропологии прорывным в определении сущности этнической группы и ее границ стал сборник статей 1969 г. Ф. Барта и его коллег. Этническая группа характеризовалась как категория, обладающая некоторыми признаками: биологическое воспроизводство; социальное поле коммуникаций и взаимодействий; артикулируемая принадлежность входящих и не входящих в нее; внешнее единство культурных форм и разделяемые культурные ценности (*Барт* 2006: 11). Из этих признаков следовало, что этничность как качество группы, ее маркер — “не одно универсальное применимое понятие, а репрезентация широкого спектра взаимодействий, в котором важнейшей референтной связью является связь с этническим статусом, приписываемым на основании рождения, языка и социализации” (*Кнутссон* 2006: 120). Дальнейшее развитие представления о важности коммуникативных связей, в которых проявляются (актуализируются) признаки принадлежности к группе, привело к пониманию ситуативности (временности) такого объединения индивидов, обусловленного тем, что “[о]тнесение себя к той или иной группе — это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей”. Перманентно идущий процесс группообразования оставляет “следы” (*Латур* 2014: 43, 47), поэтому исследователю важно выявить эти “следы”, позволяющие судить о группе как таковой. Настоящая статья посвящена одной из локальных групп горских евреев Кавказа — джегонасским евреям (самоназвание — *гзубони-гьо*)² — группе, которая формировалась с начала XIX в., подверглась погрому и геноциду в XX в. и практически исчезла: осталось лишь немногим более десятка человек, называющих себя *гзубони-гьо* (ИЦ ЕМЦТ³ 1: Е.Н.М., А.Б.Х.; ИЦ ЕМЦТ 2: Т.С.Д.-П., О.С.Ш.-Д.; ПМА 2023⁴: Н.Ю.М.; В.И.М.).

“Горские евреи Кавказа” — совокупность разных общин, обладающих лингвистической, культурной, хозяйственной спецификой и, как считает Д. Шапира, в XVIII–XIX вв. начавших оформляться в новую общность (*Шапира* 2010: 83). М.С. Куповецкий, опираясь на свои этнографические материалы, фиксировал сохранявшуюся трехуровневую модель этнической идентичности — “еврей”, “горский еврей” и принадлежность к так наз. этнотерриториальной группе: *дербенди* (дербентские), *гзибзи* (губинские), *хэйтоги* (кайтагские), *ширвони* (ширванские), *варташени* (варташенские). Границы группы создаются дифференцирующими факторами, причем групповые “особенности” выделяют как исследователи (историки, этнографы, лингвисты), так и сами представители горско-еврейского сообщества, указывавшие на отличия в языке, бытовой культуре и т.д. представителей разных групп (*Куповецкий* 2010: 145–146). Каждый уровень идентичности не только артикулируется носителями того или иного самосознания, но и проявляется в коммуникативных практиках — как между различными еврейскими группами, так и во взаимодействиях с окружающим населением. По нашему мнению, модель идентичности, описанная М.С. Куповецким, на самом деле сложнее и многогран-

нее, учитывая, что самоназвание *горские евреи* — “молодое” (появившееся не ранее второй половины XIX в.), и, по словам самого автора, *варташени* и *ширвони* практически его не употребляли (Куповецкий 2010: 145). Кроме того, известно, что кайтагские, дербентские и кубинские евреи сохраняли память о местах/родине своих предков — населенных пунктах, районах переселения. И, таким образом, иногда появляется четырехуровневая модель идентичности: внутри “кайтагских” (*хэйтогъигъо*) встречается деление по происхождению на дробные идентичности (напр., грозненские *суьнжгъэлеигъо* [от народного названия крепости Грозная — Сундж Кала], темир-хан-шуринские [буйнакские] *шуруигъо*, кизлярские, а также одноаульные — из Аксая, Янгикента, Маджалиса, Мюшкюра, Дешлагера и т.д.); дербентские (*дербендиго*) и кубинские (*гъубеигъо*) называют свои родные аулы, зачастую перенося “старые” топонимы в новые реалии, давая названия кварталам или иным локальным пространствам в Дербенте и Кубе. В других случаях, как например у нальчикских, остается трехчленная идентичность (еврей — горский еврей — *нальчикигъо*), и они не причисляют себя к “кайтагским”.

В этом контексте исследовательский интерес к самой западной на Кавказе группе кубанских горских евреев, создавшей единственный поселок в Кубанской области — Джегонасский Еврейский, оправдан и обоснован рядом специфических обстоятельств, обусловленных социокультурным ландшафтом Северо-Западного Кавказа.

Границы группы определяются не только внутренними характеристиками, спецификой, отделяющей ее от иных групп горских евреев, но и внешними факторами — взаимоотношениями с окружающим населением: с мусульманами Северо-Западного Кавказа (абазинами, черкесами, карачаевцами, ногайцами), христианами — сначала с армянским меньшинством (черкесогайями)⁵, а после российской колонизации с казачьим и “иностраным” русским населением, ставшим в конце XIX в. доминирующим в регионе. Общими чертами, позволяющими соотнести эту локальную общность с другими еврейскими группами “горских евреев”, являются: еврейское самосознание, “парсский” язык (т.е. персидский, филологи классифицируют его как “татский” [см., напр.: Исаев 2002], “иудео-татский”, “джуури” [Назарова 2020]), хозяйственная деятельность — меновая торговля и кожевничество.

Если говорить о внешних факторах, то именно эти факторы — заимствованные элементы культуры, обусловленные региональными взаимовлияниями, аккультурацией — создали уникальность данной группы горских евреев. Взаимовыгодные отношения горских евреев Северо-Западного Кавказа с соседями в дороссийский период определялись социокультурной средой, созданной в том числе османской миллетной системой и шафиитским исламом. Толерантная “атмосфера” конца XVIII — начала XIX в. османских владений способствовала перемещению горских евреев с востока на запад Кавказа, из более “жестких” исламских районов в более “мягкие”.

Ключевым фактором групповой дифференциации является самосознание и самоназвание *губониго*, функционирующее (пусть и в рудиментарном виде) до сих пор (ИЦ ЕМЦТ 1: А.Б.Х., Е.Н.М.; ИЦ ЕМЦТ 2: О.С.Ш.-Д.; Т.С.Д.-П.; ПМА 2023: В.И.М.). *Губониго* не совпадает с названием поселка, а представляет собой более широкую номинацию локального характера, маркирующую территориальность, принадлежность к локусу, кубанскому региону. Группа практически стала одноаульной в период окончания Кавказской войны и политики российского переустройства колонизируемого региона, когда в 1863 г. горские евреи, жившие среди абазин, соединились с оставшимися в Тохтамышевском ауле после ухода ногайцев. Такое “моноэтническое” поселение было характерным следствием управления кра-

ем российским чиновничеством, распределявшего людей не только по вероисповеданию, но и по зарождавшимся “этническим”/“национальным” номинациям. Переселенческая политика на новых для Российской империи землях заключалась в том числе в контроле населения, и поэтому в “собирании”/сселении мелких локальных, зачастую семейных групп в более крупные поселки, деревни, аулы. В русле данной тенденции и появились на Северо-Западном Кавказе (Кубанская область и Черноморский округ) в 1860–1870-е годы, например, “черкесские” аулы с характерными “племенными” названиями — Бжедуховский, Темиргоевский; черкесогаи (адыгоязычные армяне) были сконцентрированы в ауле (селе) Армавир, горские греки получили, пусть и ненадолго, собственный поселок Греческий (напротив станицы Григориполисской) и т.д. В этом контексте неудивительным выглядит основание Джегонасского еврейского поселка, где соединились горские евреи, дотоле рассеянные в регионе. Первые посемейные списки декабря 1864 г. дают представление о составе этой общины: в нее входили представители таких семей, как Авадеевы, Абрамич/Абрамовы, Давыдовичи/Давыдовы, Абрамич/Кишеевы, Гайнатоевы/Бельхияевы, Бесреевы/Инотаевы, Израевы/Израилевы, Матаевы, Мелиховы, Поплиевы/Мурзахановы, Пенхасовы, Э(Е)лизаровы, А(Э)мерджиевы, Абрамич/Якубовы, Эльдаровы⁶ (ГАКК 6. Л. 16–21). Уже в 1868 г. к ним добавились Шауловы и Разиевы/Разиловы (Там же. Л. 53–53об), с 1886 г. среди жителей Джегонаса были Амаевы, Рабаевы, Шамилевы, Эфраимовы и Дармановы (ГАКК 4. Оп. 8. Д. 74. Л. 115–116об), с 1898 г. — Яшегияевы/Ешагияевы и Богатыревы (ГАКК 3. Л. 8, 18), с начала XX в. — Ашуровы (ГАКК 4. Оп. 1. Д. 5447. Л. 16–3об) и Амирамовы; по полевым материалам, с конца XIX в. в поселке жили Призовы (ИЦ ЕМЦТ 2: Т.Д.-П.). Численно эта община на 1864 г. была небольшой — 124 человека: 65 мужчин, 59 женщин (ГАКК 6. Л. 33об). Затем она увеличивалась: в 1886 г. — 116 мужчин и 160 женщин, т.е. всего 276 человек (Анисимов 1888: 20а), в 1894 г. — 345 евреев (РГИА 2. Л. 27об). В 1914 г. в поселке проживало 537 человек (269 муж., 268 жен.) в 43-х дворах (РГИА 1. Л. 5об).

Самоназвание *гэубониэбо* (кубанские) свидетельствует, что оно или появилось раньше создания поселка, или объединяло также горских евреев, живших дисперсно в других местах Кубанской области: многие по торговым и ремесленным делам проживали среди абазин и ногойцев в их аулах, затем, во второй половине XIX — начале XX в., обитали не в поселке, а в станицах и иных населенных пунктах Баталпашинского отдела области. После уничтожения поселка в 1918 г. ряд семей продолжали жить уже в новых советских реалиях в Карачаево-Черкесской автономии — в городах Черкесске (бывший Баталпашинск) и Карачаевске, в станицах Усть-Джегутинской, Зеленчукской, Кардоникской и других неподалеку от места расположения Джегонасского поселка, о чем свидетельствуют архивные источники (напр., документы периода Второй мировой войны⁷ и устные рассказы (как опубликованные [см.: Михайлова 2015], так и собранные в ходе интервью автором [ИЦ ЕМЦТ 1: А.Б.Х.; ИЦ ЕМЦТ 2: Т.Д.-П.; ПМА 2023: В.И.М.]). Например, Семен Михайлович Пинхасов рассказывал:

Мои предки обосновались несколько столетий назад в горах Карачаево-Черкесии. Сам я родился в селе Усть-Джегута в семье земледельца и кожевника. Неподалеку от села располагается ущелье и речушка Джеганас. Первое еврейское поселение так и называлось — Джеганас. А часть горских евреев жили в горах Учкулан, Кюрзик, Дашкупур (что означает каменный

мост). До гражданской войны евреи в этих краях жили спокойно. Но начались погромы со стороны белогвардейских банд, и евреи стали покидать обжитые места. Деникинский атаман Шкуро уничтожил полностью еврейское село Джеганас... (Михайлова 2015: 461–462).

Рассредоточение джегонасских горских евреев в 1920–1930 годы в пределах Северо-Кавказского края (Невинномысск, Моздок, Грозный, Нальчик, с 1928 г. – Богдановка Курского р-на, ныне Ставропольского края) не привело к исчезновению локального самоназвания *губониго*, эксплицитно доказывающего наличие особой идентичности. Показательным в этом смысле является факт включения евреями в 1928 г. в наименование производственно-хозяйственной структуры названия своего исчезнувшего поселка – “Кубано-Еврейское товарищество Джегонасских горских евреев” (ГАРО. Л. 104)⁸. Некоторые из потомков *губониго* до сих пор дискурсивно маркируют отличия, обозначая границы групп:

Мама у меня нальчикская, папа у меня – кубанский, село Джегонас, он отсюда родом... мама *нальчикиго*, папа *губониго*. *Губониго* иногда путают с *гшибеигго*, это бакинские, азербайджанские евреи... Вот когда мне говорят, когда я говорю, что я *губониго*, они говорят – *гшибеигго*? Я им – вы путайте, *гшибеигго* – это бакинские, азербайджанские, *губониго* – это кубанские... Мама шустрая, а папа – спокойный, степенный... Нальчикские любят показать себя, дербентские – это евреи-писатели, грозненские – это когда родится ребенок, ему дают погремушку, а им – кинжал... такие горячие. Характером папа и мама были разные... Мама говорила мне: “Под ногой твоего папы и яйцо не разобьется”... Когда говоришь *губониго*, то на тебя смотрят по-другому (ПМА 2023: В.И.М.).

Если идти от частного к общему по иерархии идентичностей, формирующих группы, следующим самосознанием должен быть концепт “горские евреи”, или “кавказские евреи-горцы”⁹. Но на деле ситуация гораздо запутаннее. Документы второй половины XIX в. не зафиксировали подобную идентификацию у джегонасских евреев. Более того, поверенный от жителей Джегонаса Садык Эльдаров в прошении на имя наместника на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича в 1868 г. наоборот подчеркивал (вторя за своими доверителями) отсутствие у них “горских” черт: “так как будучи людьми Еврейского племени, мы никогда к составу горских обществ не принадлежали, а только среди них проживали” (ГАКК 6. Л. 52–53об). Экзоэтноним “горские евреи” постепенно становится одним из самосознаний (уровней идентичности), внедрившись под влиянием российского делопроизводственного дискурса, ставившего своей целью юридически отделить кавказских туземных евреев от “европейских” евреев-ашкеназим, для которых была определена Черта оседлости. В советское время, в период коренизации, появление нового, навязанного по лингвистическому критерию экзоэтнонима “таты” (см., напр.: Членов 2008), способствовало закреплению понятия “горский еврей” как самоназвания в противовес официальной доктрине. Перепись 1926 г. продемонстрировала фиксацию в качестве “горских евреев” части еврейского населения Грозного (1475 чел.), Нальчика (1458 чел.) и Моздока (303 чел.) (ПИП 1926: 300, 412, 440). В наградных листах и других документах периода Второй мировой войны уроженцев Джегонаса и окрестностей в графе национальность указаны

различные номинации: большинство — “горские евреи”, термин “тат” встречается несколько раз, у некоторых написано “евреи”, у одного и того же уроженца Джегонаса в одном наградном листе написано “русский”, а в другом “татарин”.

В этом случае важно подчеркнуть отличие евреев, называемых “горскими”, от других еврейских сообществ, на котором настаивал Арон, раввин Джегонасского поселка, в 1886 г. в диалоге с православным епископом Владимиром, главой Ставропольской епархии, побывавшим в поселке и на службе в синагоге.

Когда все амины кончились, я спросил раввина, возглашавшего *solo*, бывает ли у них общее пение? Получил ответ: “Нет, не бывает. Это у Европейских Евреев заведено”. — “Ведь теперь уже и тут Европа. Да и в древности, при Давиде, Соломоне и пр. было же”. — “Нет, это у Европейских Евреев так”, ответил он с самодовольным сознанием превосходства старообрядческого Евреев горских пред Европейскими (*Владимир* 1904: 672).

Такая дифференциация обусловлена бытованием у горских евреев сефардского нусаха иудаизма в отличие от ашкеназского у евреев Восточной Европы. Религиозная идентичность, которая и формировала в те времена собственно еврейское самосознание, реализовывалась в функционировании синагоги (молельни). В первом описании поселка декабря 1864 г., когда были зафиксированы все строения, синагоги нет. Иуда Черный, путешествовавший по Кавказу в 1870-е годы, пишет, что в Карачае (к сожалению, непонятно, где именно) было две синагоги: в одной служил отец, рав Яков, в другой — его сын рав Бениамин. Яков¹⁰ до этого состоял раввином в Варташене (*Давид* 1989: 544). Епископ Владимир, побывавший в Джегонасе в 1886 г., описал синагогу и богослужение в ней:

Невдали на пригорке стояла миниатюрная, убогая синагога деревянная. Раввин и собратия его усердно просили зайти в их церковь (!). Не захотел им отказать. Зашли. Внутри бедно, грязно. Взойдя на маленький балкончик в род эстрады для музыкантов раввин приказал двум своим помощникам развернуть свиток писания. Долго они переворачивали с одного валька на другой, пока добрались до *Берешит*’а. Я предложил раввину прочесть первые строчки 1-й главы 1-й книги Священного Писания В. Завета. Тотчас же он набросил на себя, в роде башлыка из грязнобелого холста, покрывало, и своим произношением скоро прочел несколько стихов (*Владимир* 1904: 671).

И.Ш. Анисимов приводил статистику за тот же 1886 г.: в поселке “Джегонском” — одна синагога и два раввина (*Анисимов* 1888: 20а). В то же время официально в МВД Российской империи синагога была зарегистрирована только в 1894 г. (РГИА 2. Л. 27об)¹¹.

Существовавшие контакты с другими кавказскими регионами способствовали постоянному притоку горских евреев из восточных областей в поселок. По крайней мере, можно говорить о проживании в Джегонасском поселке горских евреев из Грозного (ГАКК 3. Л. 7; КОВ 1902: 3), более того, грознец Имануил Амаев победил на выборах поселкового старшины 7 ноября 1886 г., получив 24 голоса из 34 (ГАКК 4. Оп. 8. Д. 74. Л. 115)¹². Возникший конфликт между “старыми” насельниками и приписанными к Грозному, но жившими в Джегонасе, Равилем Бисераевым и Шимшином Хампулиевым актуализировал групповую идентичность

“мы — они”, где джегонасам противопоставлены “пришлые”. В ноябре 1898 г. на сходе жители Джегонаса просили о выселении Бисераева и Хампулиева “вследствие страшно позорного для нас поведения”. К этому времени Бисераев уже отбыл наказание сроком три года в арестантских исправительных ротах в Харькове за убийство джегонасца Иова Матаева, а Хампулиев отсидел в Грозном в тюрьме за воровство и мошенничество, после чего они опять, приехав в Джегонас, совершили “разбойническое нападение” на дом Арона Пинхасова, но были оправданы Екатеринодарским окружным судом. Сход просил выселить преступников, во-первых, “как не коренных для нас жителей с их семьями”, и во-вторых, “тем очистить всеобщую нашу совесть особенно пред соседними населениями”. Для понимания акторно-сетевых связей отметим, что сотский начальник поселка Ильяс Бельхияев не присутствовал на сходе и не стал подписывать приговор схода “по случаю близкого родства с Равилем Бисераевым”. Проведенное дознание и опрос всех присутствовавших на сходе глав семейств продемонстрировали и иные стереотипы по поводу “пришлых” евреев, в том числе была высказана мысль, что “не нужна нам их кровь татарская” (ГАКК 3. Л. 7–18). И это несмотря на то, что Хампулиев жил в поселке на протяжении 10 лет, а Бисераев мальчиком попал в Джегонас и вырос на “глазах” своих односельчан. “Татарский” маркер в их отношении, возможно, обусловлен частым употреблением в речи “татарского” языка (какой-то из тюркских, скорее всего, кумыкский). Более того, у жены Бисераева имя Карачач (тюркское!), а когда жена Хампулиева — Авби писала прошение о позволении ей сопровождать мужа на каторгу, она указывала их фамилию в тюркизированной форме — Хамнели (ГАКК 3. Л. 27–29).

Общей для всех северокавказских групп горских евреев, в том числе и для *гъубониго*, была хозяйственная деятельность — меновая торговля и кожевничество, что дает основание некоторым исследователям считать родиной последних Андрей-аул (Эндери)¹³. Как писал в 1866 г. помощник Начальника Кубанской области по управлению горцами, “так называемые горские евреи, неизвестно когда поселившиеся между горцами и издавна занимавшиеся промышленностью и мелкой торговлей (курсив мой. — В.К.)” (ГАКК 6. Л. 32). Выделка сафьяновых кож (телячьих и овечьих) была тяжелым и грязным производством. И кожевничество, и особенно торговля маркировались в горском обществе как непрестижные занятия, торговцы-менялы и кожевники, будучи вне горской социальной структуры, находились в самом социальном “низу”. Восприятие окружающими этого ремесла и евреев-ремесленников отражает короткое описание священника Максимова: “Не доезжая ст. Усть-Джегутинской, в 15 верстах от Баталпашинска, вас поражает нечистота, отсутствие санитарного порядка, вонь от кож, которые евреи моют в реке Дженас и заражают этим воду — это жители поселка Джеганасского” (Максимов 1903: 2). Из архивных материалов о ремесленниках-джегонасцах известно, что Рахман/Абдурахман Пенхасов изготавливал бурки (ГАКК 4. Оп. 7. Д. 799. Л. 4), а Рафаил Мелихов выделывал “козлиные” шкуры (ГАКК 3. Л. 90б). В то время такие виды деятельности способствовали мобильности и формированию социальных связей евреев и окружающего населения: завязывались куначеские взаимоотношения, возникали кредитно-долговые обязательства. Подобные коммуникации были возможны благодаря владению тюркскими и другими “горскими” языками. Во всех локусах проживания горских евреев на Кавказе билингвизм был нормой: они владели азербайджанским и кумыкским, на Северо-Западе региона *гъубониго* знали ногайский и карачаевский (ИЦ ЕМЦТ 1: Е.Н.М.), не-

которые нальчикские евреи — кабардинский и балкарский (ПМА 2023: А.А.Д.). Лингвистические компетенции давали преференции во многих социальных ситуациях. Например, в 1881 г. Ша(г)бо Пи(е)нгасов, знавший русскую грамоту, был представителем (посредником) неграмотного офицера, юнкера, жителя аула Хурзук Османа Байрамукова (карачаевца) и подписывал за него прошения на получение пенсии (за награждение знаком военного ордена Св. Георгия 4-й степени для мусульман) (ТАКК 2. Л. 34—35). Другой случай взаимодействия попал на страницы областной прессы в результате трагического происшествия. “16 марта 1892 г. в юрте ст. Усть-Джегутинской горец с. Лоовско-Кубанского Даут Кишмаков 20 лет и еврейка Джегонасского поселка Дадуха Якубова 45 лет, задавлены в глинице обрушившеюся землею” (КОВ 1892: 3). В данном контексте необходимо уточнить: жители аула Лоовско-Кубанского (ныне — аул Кубина, КЧР) — абазины, поэтому неудивительны их контакты с евреями, учитывая совместное проживание до юридического оформления Джегонасского поселка в 1863 г.¹⁴.

Кроме того, среди джегонассцев были единичные представители ювелирного (Хампулиев) и, возможно, других ремесел. Занимались они и садоводством. И.Ш. Анисимов называл следующие сферы деятельности джегонасских евреев: на конец 1880-х годов в поселке 31 ремесленник-кожевенник, две мануфактурных лавки, 12 — бакалейной и мелочной торговли и один сад (Анисимов 1888: 20а). На начало XX в. меновая модель торговых отношений сохранялась. На страницах региональной прессы писали: “Эти евреи ведут торговлю мануфактурой и мелочным товаром и преимущественно занимаются меновой торговлей — экономически самый излюбленный и доходный род занятий; разъезжая по станицам, хуторам и селениям, они скупают: шерсть, кожи, овчины, масло, яйца, птицу и др. продукты местного производства” (Горские евреи 1901: 2).

Как мы видим из документов и справочных изданий, джегонасские евреи стали развивать торговлю в различных местах Баталпашинского отдела — помимо горских аулов, среди русских и казаков. Известно, что в 1901 г. торговали мануфактурой Дав[ид] Ис. Кишеев в станице Кардоникской, Хах. Адр. Пинхасов в с. Тебердинском (ВДОСК 1901: 126), Мат. Пис.[ахович] Богатырев, помимо продажи мануфактуры в станице Баталпашинской, занимался продажей леса (Там же: 122, 125—126). В начале XX в. была популярна реализация “смешанных” товаров, т.е. предприниматель имел возможность, получив “лицензию”, реализовывать не один какой-то вид продукции, а различные товары. Так, известно, что в 1909—1911 гг. отец и сын Пинхасовы — Аарон Мордохаевич и Лазарь Аронович — торговали в станице Усть-Джегутинской, Б.П. Шаулов — в станице Кардоникской, С.Я. Шаулов — в Бекешевской (ВДОСК 1909: 67—68; ВДОСК 1911: 89—900). В этой же станице Бекешевской в 1912 г. Шерван Даниловна Шаулова владела мануфактурной торговлей с годовым оборотом 1,5 тыс. руб., Тамара Шаулова — мелочной торговлей с оборотом 300 руб. (ВДОСК 1912: 13, 57; КК 1913: 748), а Назаров Агунатан Ягуд. вел мануфактурную торговлю с годовым оборотом в 3 тыс. руб. (КК 1913: 748). Той же популярной мануфактурой торговали в станице Баталпашинской Бениаминовы — в 1901 г. А.Я. Бениаминов (ВДОСК 1901: 125), а в 1913 г. Пинхас Ош. Бениаминов (годовой оборот 8 тыс. руб.) (КК 1913: 747). К слову, представители этой горско-еврейской фамилии (Бениаминовы) не встречались в документах среди жителей Джегонасского поселка, возможно, это были “заезжие” торговцы из иных кавказских мест. Также известно о так наз. еврейской харчевне, работавшей в станице Баталпашинской на ярмарке в 1898 г., которую

содержал горский еврей Аурум Матаев, а другой джегонасец Берзиль Пенхасов принимал и обслуживал гостей этого заведения (ГАКК 3. Л. 9, 11). Обследовавший Карачай летом 1914 г. известный российский этнограф Г.Ф. Чурсин замечал, что “[к]арачаевцы до последнего времени *вовсе* не занимались торговлей, и теперь они ведут лишь мелкую торговлю, большая же часть лавок в Карачае принадлежит горским евреям из Грозненского округа Терской области, и частью из некоторых мест Кубанской обл. (курсив мой.— В.К.)” (Чурсин 1915: 249). Для понимания состояния торговли в регионе важным также представляется описание Г.Ф. Чурсиным базара около аула Учкулан, своеобразной карачаевской “столицы”:

Местом для базара служит поляна на левом берегу Уллу-кама, ниже моста. Базар открывается обыкновенно часов в 10 утра и продолжается летом часов до 5 вечера. На базар съезжается до десятка казачьих подвод (“мажара”), доставляющих из Баталпашинска и других станиц пшеницу, картофель, кукурузу, огурцы, арбузы и пр. Карачаевцы выводят на продажу лошадей, быков, овец. Более заметное участие в торговле принимают карачаевские женщины, выносящие на рынок овчины, полусырые выделанные кожи, черное домашнее сукно грубой работы, шириною в 6—8 вершков, войлочные шляпы, яйца и пр., мелочным товаром — нитками, иглками, мылом и пр. торгуют горские евреи; местные кумыки являются с медными котлами собственного изделия, кувшинами и проч. (Там же: 252).

В самом ауле Учкулан, по данным Г.Ф. Чурсина, среди прочего — 21 лавка, “из них четыре принадлежат карачаевцам, четыре — рачинцам из сел. Геби, остальные горским евреям и русским” (Там же). Кроме того, необходимо отметить, что, получив собственный поселковый юртовый надел, джегонасское общество сдавало часть земли в аренду: на 1914 г. известны имена трех арендаторов — Денисенко, Попков и Тихонов, с которыми были заключены два договора (от 1908 г. и от 1911 г.) на участок в 182 десятины и 1200 сажень, причем по первому договору, на три года, стоимость десятины была 5 руб., а по второму, на 9 лет, — 7 руб. 5 коп. (РГИА I. Л. 7).

Новые советские реалии, изменившие в корне жизнь многих российских жителей, повлияли и на традиционные хозяйственные занятия джегонасских горских евреев. Становилось все труднее заниматься меновой торговлей, кожевникам приходилось объединяться в артели, кооперативы и товарищества, потому что индивидуалов (кустарей) облагали более высокими налогами. В то же время появившаяся система заготовительной кооперации способствовала появлению новых специальностей, например сырьевщика/заготовителя, или мобильного покупателя шерсти, шкур и кож для производственных предприятий, объединившего экономические практики торговца и кожевника. Приведем историю Семена (Ханука) Каиновича Давыдова, уроженца Джегонаса, 1902 г.р.; образование начальное. В его семье традиционно занимались кожевным ремеслом. В трудовой книжке Семена Каиновича в качестве профессии указано “сырьевщик”; в 1937 г. он занимает должность заведующего складом Караногайской Райзаготконторы РПС (видимо, райпотребсоюза), в 1941 г. — директора Райзаготконторы объединения “Заготживсырье”, после войны в 1945 г. — директора Зеленчукской райзаготконторы того же объединения, в 1946 г. — заведующего складом Зеленчукского Райпотребсоюза. После перехода на другую работу и выхода на пенсию он не оставлял свои ремесленные занятия: шил шапки, учил этому внука

(ИЦ ЕМЦТ 2: О.С.Ш.-Д., Т.С.Д.-П.). О таком же виде деятельности — заготовке шкур и меха — свидетельствует фотография 1935 г., на которой изображены *гзубониго* по происхождению Петр Яковлевич Пенхасов и С.П. Мелихов, держащие в руках меховые шкурки; имеется подпись “Заготовители облпотребсоюза КАО”, т.е. Карачаевской автономной области (ИЦ ЕМЦТ 2: Т.С.Д.-П.).

Помимо традиционных хозяйственных занятий мы бы хотели остановиться на некоторых элементах материальной культуры, дающих представление о специфике локальной группы *гзубониго*. В нашем распоряжении есть архивные документы с описанием усадеб и жилищ, составленные при юридическом создании Джегонасского еврейского поселка в 1864 г. Приведем описание усадьбы Садыка Эльдарова, старшины поселка в 1860-е годы:

Сакля заплетенная в два плетня и набита в середине мелким камнем о трех комнатах с четырьмя окнами и тремя простыми небольшими дверями, покрыта землею, одна небольшая плетневая кладовая покрытая также землею, одна плетневая конюшня покрытая соломою, около двора огорожа плетневая. У него же на особом дворе принадлежащем Рахман Андрееву устроен деревянный дом об одной комнате с потолком из узких досок, с плетневыми сенцами, покрытый землею (ГАКК 6. Л. 22).

Остальные сакли поселка примерно такие же; но в одной из них потолок “на пластинных перекладах”, в другой есть сенники, “огороженные дережою; а вокруг двора огорожи не имеется”, а у Рахане Андреева в одной сакле имелась небольшая кирпичная печь, такая же печь была в сакле у Мурзахана Поплиева. Из общего ряда выбиваются две постройки: одна, принадлежащая Садыку Эльдарову, но находящаяся на “особом дворе” у Рахмана Андреева; другая — “на особом месте” во дворе Махты Элизарова. Вторая постройка — “из мелкого камня сакля с плетневым потолком покрыта землею же” (ГАКК 6. Л. 24–28). Турлучная (плетневая) сакля в регионе была характерна для абазин, черкесов и отчасти ногайцев. Карачаевцы же строили срубные дома из бревен. В других районах Кавказа дома горских евреев строились совершенно из другого материала: “все сакли в Южном Дагестане и в Терской области, также в Нухинском и Шемахинском уездах выстраиваются из камня, на грязи или глине” (*Черный* 1870: 2). Важно отметить динамику трансформаций этого элемента культуры, наблюдавшихся уже на рубеже XX в. Так, в перечне недвижимого имущества Амаевых, находящегося в Джегонасском поселке и предназначенного к публичной продаже, значились: одноэтажный новый трехкомнатный жилой дом, крытый железом, с сенями, кладовой, амбаром, конюшней и второй кладовой, под домом — выложенный камнем погреб и в конце списка как, видимо, уже нежилая постройка была упомянута “совершенно старая плетневая крытая по плетню сакля о двух комнатах, кладовой и открытым коридором”. Весь двор был огорожен плетнем (КОВ 1902: 3). Описание внутреннего убранства жилища джегонасских евреев можно найти в работе И. Черного: “Дом состоятельного еврея Эмануэля Матаиева был маленьким и низким, пол покрыт коврами, вдоль стены висели занавеси, над ними же зеркала с утиральниками. Вдоль стен стояли ящики с одеждой, а так же посуда, кастрюли с сыром, тушеным мясом. Крыша была покрыта соломой. На веревках висела одежда и различная утварь” (*Давид* 1989: 453).

Ограниченное количество источников не позволяет нам провести подобные сравнения других элементов материальной культуры. Л.В. Македонов писал: “Несмотря на давнюю жизнь в горах, евреи не утратили своего типа, но одеваются не по своим обычаям: мужчины ходя в бешметах и черкесках, женщины — по горски — в рубахах и ситцевых шароварах, сверху накидка с длинными рукавами, лиц не закрывают” (Македонов 1908: 102). Костюм джегонасских евреев на нескольких имеющихся фотографиях первой половины XX в. представлен горским вариантом: верхняя распашная одежда (*черкеска*) с газырями, под которой прилегающий к телу кафтан с воротом-стойкой (общий термин *архалук*; как называли его евреи, нам неизвестно) и штаны-шальвары, на голове — папаха из шерсти, на ногах — кожаные сапоги¹⁵. Такой костюмный комплекс был характерен почти для всего Северного Кавказа, поэтому в данном случае затруднительно говорить о какой-либо локальной специфике.

Реконструируемая система питания *губониго* позволяет выделить лишь несколько характерных особенностей, отличающих ее от кухни восточнокавказских евреев. Например, у *губониго* бытовало приготовление крутой каши из кукурузной муки по типу адыгской/кабардинской *пасты*, совершенно не знакомой проживающим на востоке Северного Кавказа горским евреям (ИЦ ЕМЦТ 2: Т.С.Д.-П.).

Еще одним важным параметром, влиявшим на данную общину/локальную группу, можно назвать многолетние сложные взаимодействия с администрацией Усть-Джегутинского станичного правления. Дело в том, что первоначально горские евреи, жившие в абазинских и ногойских аулах, подчинялись, как и сами абазины и ногойцы, чиновникам Верхне-Кубанского пристава, одной из административных единиц системы военно-народного управления на Кавказе. В 1863 г., в связи с перемещениями всех “туземцев” на левый берег Кубани, уходом абазин и ногойцев, перенесением стана (центра пристава), евреи были переподчинены, по предложению пристава, майора Аглинцева, ссылавшегося на опыт Грозного, Нальчика и иных мест, местной военной администрации, т.е. в данном случае — Усть-Джегутинскому станичному правлению. Тем более что земля Джегонасского поселка оказалась в составе выделенного в 1861 г. для этой станицы земельного юрта (надела). Отношения казаков и евреев складывались неоднозначно: казаки то требовали отселить евреев, то соглашались на их проживание в пределах станичной земли. В свою очередь, джегонасские евреи постоянно, на протяжении всей второй половины XIX и начала XX в., подавали прошения о переселении их на свободные участки земли Кубанского казачьего войска, об оформлении юридической автономии своего поселка на выделенной им территории (ГАКК 6. Л. 4—6), о приписке их к городскому обществу Майкопа или к осетинским (?) обществам. Более 50 лет все эти прошения не приводили к желаемому результату, а разработанные проекты переселения не были реализованы. Только примерно в 1907—1908 гг., видимо, состоялось решение о выделении им земли в верховьях той же самой речки Джегонас и переносе поселка на 17 верст вверх по течению. Датировать этот процесс помогают факты, приведенные Баталпашинским уездным наблюдателем. Он писал, что в 1908 учебном году в джегонасской миссионерской школе русской грамоты начинало обучение четыре горско-еврейских мальчика (из 21 учащегося), но “трое из них вскоре оставили школу за переселением их родителей в новый еврейский поселок — Джегонас” (ВПМО 1909: 98). Долгожданное решение земельного вопроса в то же время привело к дезинтеграции общины. Так, Л.В. Македонов в 1908 г. писал: “Ныне пос. Джагонас-Еврейский переведен на казенную землю

в горы по верховью р. Джагонаса, но переселились туда пока только 22 семьи из 48-ми; остальные семьи, несмотря на репрессии общества, переселяться не хотят” (Македонов 1908: 102). Своеобразный раскол джегонасцев сохранился и позднее. Побывавший около Джегонаса в 1914 г. известный российский этнограф Г.Ф. Чурсин отмечал, что “два года назад *большая часть* их [горских евреев] выселилась отсюда куда-то на казенные земли (курсив мой. — В.К.)” (Чурсин 1915: 241). Обретение самостоятельности поселковым обществом в документах отразилось в указании юртовой (надельной) земли, ее было 1503,75 десятин, или 5,59 десятины в среднем на душу мужского пола (РГИА 1. Л. 50б.). Полувековое нахождение джегонасских евреев фактически на станичной казачьей земле (ситуация “вынужденного” соседства) обусловило различные коммуникативные связи. Процесс притока в Кубанскую область в последней четверти XIX в. так наз. иногороднего населения не мог не затронуть Джегонасский поселок. Анонимный местный корреспондент областной газеты, скрывавшийся под псевдонимом “ООО”, в октябре 1899 г. писал: “Поселок наш, в котором насчитывается более 100 дворов, населен наполовину горскими евреями, наполовину казаками и выходцами из внутренних губерний России... Из русских здесь поселились большей частью такие семьи, которые принадлежат к какой-нибудь секте” (ООО 1899: 1). По его мнению, именно наличие большого числа сектантов подвигло областное начальство к учреждению миссионерской школы, в которой обучались и горско-еврейские дети.

Для парализования сектантской пропаганды и для ознакомления еврейского населения с истинами христианского вероучения было решено, с миссионерской целью, выстроить церковную школу... Здешние евреи отличаются прямою; стремятся к просвещению, с удовольствием отдают своих детей в учебу, и несмотря на бедность, даже платят за право обучения их; особенно им нравится, когда в школе занимаются пением и позволяют также наравне с русскими изучать ветхий завет (Там же).

Официально школа была открыта в 1897 г. (Михайлов 1910: 326), корреспондент же пишет о процессе строительства здания для учебного заведения и о проведении занятий во временном помещении: “Школу временно поместили в убогой хатенке, человек на 15; около половины учащихся — дети евреев” (ООО 1899: 1). Как мы указывали выше, горские евреи посещали данную миссионерскую школу вплоть до 1908 г. Понимая важность образования и грамотности, они и на новом месте создали учебное заведение — Джегонаско-Еврейское одноклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района Баталпашинского отдела. В 1915 г. почетным блюстителем училища был Шим Рабаевич Разилов (ГАКК 5. Л. 1), законоучителем — Давид Пинхеев Ашуров (КК 1915: 366), сын раввина Пинхаса Ашурова. В 1917 г., по-видимому, еще сохранялись оба населенных пункта — по крайней мере в “Списках лесных и земельных дач по отделам области по переписи 1917 г.” указаны Джанкассо-Еврейское и Джегонаско-Еврейское селения, но только для второго приведены статистические данные: 33 домохозяйства, 114 мужчин, 126 женщин, всего 240 человек (ГАКК 7. Л. 14, 19).

Можно с уверенностью утверждать, что под *губонигьо* понимали не только горских евреев, проживавших в Джегонасском поселке, но и других, дисперсно расселенных в иных местах Баталпашинского отдела. Интересно, как этих в принципе одних и тех же горских евреев дифференцировали власти, что отра-

жалось на страницах областной прессы. В статье от 4 августа 1901 г. обсуждалась проблема применимости закона 1892 г. о запрете проживания евреев в Кубанской и Терской областях и для этого анализировались сведения

о численности и деятельности горских евреев, расселении их и о влиянии на местное население. В Кубанской области евреи имеются только в Баталпашинском отделе, а именно: 1) постоянно проживающие в поселке Джегонас, 47 семейств в числе 397 душ обоего пола, 2) и временно проживающие горские евреи, приписанные к губерниям Бакинской, Елизаветпольской и Терской области. Первые 47 семейств ни к какому обществу не приписаны, живут на арендуемой у общества Усть-Джегутинского земле, в собственных домах, виды на жительство получают из Усть-Джегутинского станичного правления, *занимаются выделкой кож*. Вопрос о поселении этих евреев на казачьей земле на балке Джегонас в высших правительственных учреждениях еще не разрешен. Из временно проживающих в Баталпашинском отделе 17 семейств числится в гор. селениях и 50 семейств в числе 312 душ — в станице Баталпашинской и п. Джегонас. Эти евреи ведут *торговлю мануфактурой и мелочным товаром* и преимущественно занимаются меновой торговлей (курсив мой. — В.К.) (Горские евреи 1901: 2).

У автора газетной статьи получилось, что джегонасцы — кожевники и занимаются “полезным” трудом, а остальные горские евреи в отделе — “паразитирующие” менялы-торговцы. В реальности этих жестких “границ” не существовало. Во-первых, многие евреи (например, из Грозного) могли войти в джегонасскую общину, она не представляла из себя “закрытую” эндогамную группу, в том числе и потому, что изначально сформировалась как минимум из двух разных частей. Во-вторых, меновая торговля была присуща не только “заезжим” купцам, но и жителям Джегонасского поселка.

Фатальными для Джегонасского поселка стали события периода Гражданской войны, когда приблизительно летом 1918 г. белогвардейские отряды Шкуро разгромили поселок горских евреев в Баталпашинском отделе (Павленко 1933: 26). До сих пор потомки *губониго*, живущие в Кисловодске и Нальчике, рассказывают об этом бедствии (ИЦ ЕМЦТ 1: Е.Н.М.; ИЦ ЕМЦТ 2: Т.С.Д.-П.). Джегонасцы рассеялись по городам и весям Северного Кавказа (по окрестным населенным пунктам, а также в станице Невинномысской, в Нальчике и Моздоке), и только создание в рамках советской политики “коренизации” еврейских национальных колхозов позволило им объединиться вновь, хоть и не полностью, в образованном в Терском округе Северо-Кавказского края с. Богдановка в 1928–1929 гг. Непоправимый урон локальной группе горских евреев *губониго* был нанесен в годы Второй мировой войны. В сентябрьские дни 1942 г. немецко-фашистскими оккупантами было уничтожено 482 жителя Богдановки, большинство из которых были по происхождению джегонасскими евреями. Погибли семьи Кишеевых, Шамилевых, Матаевых, Израевых, Ашуровых, Абрамовых, Шауловых, Давыдовых, Инатаевых, Пенхасовых, Яшагияевых, Бельхияевых, Назаровых, Мелиховых, Амерзиевых, Мурзахановых, Амирамовых, Призовых, Дармановых (ГАРФ. Л. 158–161об)¹⁶. Выжили мужчины, воевавшие на фронтах Великой Отечественной, и несколько семей *губониго*, живших в Нальчике, Моздоке, Грозном и других местах Северного Кавказа. Фактиче-

ски локальная этнографическая группа прекратила свое существование, так как дисперсное расселение привело к “растворению” ее в более крупных общностях горских евреев — нальчикских и грозненских. Но необходимо отметить сохранение культурной памяти о своей группе среди потомков *гзубониго* из фамилий Мурзахановых, Давыдовых, Пенхасовых, живущих в Нальчике и Кисловодске (ИЦ ЕМЦТ 1: А.Б.Х., Е.Н.М.; ИЦ ЕМЦТ 2: Т.С.Д.-П.; О.С.Ш.-Д.).

Подводя итоги, можно с уверенностью говорить о том, что изучение сложных, составных общностей через детальное исследование истории и культуры локальных групп, входящих в них, имеет хорошие перспективы. На примере джегонасских евреев (*гзубониго*) можно увидеть специфичность и даже уникальность культурных паттернов локальной группы, обусловленных внутренними и внешними коммуникационными процессами. Отмечена многоуровневая идентичность *гзубониго*, где еврейство (религиозность) как доминанта сочетается с конструируемым общим самосознанием горских евреев и с местной (конкретное село) локальной идентичностью. Традиционные виды деятельности джегонасских евреев — кожевенное ремесло и меновая торговля характерны и для многих других групп северокавказских горских евреев. Кожевничество призвано было обслуживать скотоводческие культуры ногайцев и карачаевцев. Меновая же торговля, которой занимались горские евреи и в своих аулах, и в аулах абазин и черкесов, считалась непрестижной, и местное население не желало, а зачастую и не могло ей заниматься. В этих условиях “посредничество” стало и стратегией, и моделью поведения горских евреев в целом и *гзубониго* в частности. Благодаря языковым компетенциям горских евреев — владевших помимо своего родного (татского, “парсского”) еще и тюркскими языками, а на Северо-Западном Кавказе освоивших кабардинский и, возможно, абазинский — выстраивались соседские и куначеские взаимоотношения. Повседневный контакт, по-видимому, и привел к заимствованиям некоторых элементов культуры (жилище, костюмный комплекс, система питания). Сформировавшееся самосознание *гзубониго* оказалось устойчивым, оно сохраняется и в первой четверти XXI в., а для некоторых представителей этой группы является важным маркирующим фактором, подчеркивающим их особость.

Примечания

¹ См., напр.: *Верховцев Д.В.* Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6 и дискуссию по этой проблеме в том же номере журнала.

² Термины производны от гидронимов Кубань и Джегонас (последний стал названием населенного пункта).

³ Полевые материалы Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности (г. Москва) (далее — ИЦ ЕМЦТ) собраны в рамках грантовой программы по проекту “Комплексное социо-антропологическое исследование горско-еврейской общины г. Пятигорск” при финансовой поддержке А.И. Клячина.

⁴ Полевые материалы автора собраны совместно с А.Г. Агабабян в рамках реализации проекта “Западнокавказский культурный ареал горских евреев: история, идентичности, общинные структуры”, поддержанного Российским научным фондом (проект № 23–28–00106), финансирование осуществляется через Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

⁵ Как отмечал в сентябре 1863 г. начальник штаба войск Кубанской области, “горские Евреи большей частью имеют коммерческие сделки с Армянами, торгующими в станице Баталпашинской” (ГАКК 1. Л. 3).

⁶ Необходимо отметить, что вторая половина XX в. — период складывания фамилий у горских евреев, которые в основном патронимические, поэтому в первых списках зафиксированы Абрамич, ставшие Абрамовыми, Давыдович — Давыдовыми, Мурзахан Поплиев, чьи потомки записаны позже только как Мурзахановы, и т.д.

⁷ См. наградные листы и иные документы на сайте “Память народа” (www.pamyat-naroda.ru).

⁸ Автор выражает благодарность коллеге, д.и.н. Дмитрию Владимировичу Сенью за предоставленный архивный документ.

⁹ Первый горско-еврейский ученый, писавший на русском языке, Илья Шеребетович Анисимов назвал свою монографию именно так — “Кавказские евреи-горцы” (Анисимов 1888).

¹⁰ Дочери Азы Яковлевны Пенхасовой (1919 г.р.) рассказывали в интервью, что их дед Яков — раввин, приехавший на Кубань из Варташена (ИЦ ЕМЦТ 1: Е.Н.М.; ИЦ ЕМЦТ 2: Т.С.Д.-П.).

¹¹ Автор благодарит коллегу Семена Падалко за предоставленную копию документа.

¹² Подробнее о выборах поселковых старшин и судей и о влиянии этих процедур на идентичность и иные культурные процессы см.: Колесов, Сень 2009.

¹³ Гипотеза была высказана М.С. Куповецким на нескольких научных форумах, последний раз в июле 2019 г. на секции “История и культура горских евреев” Шестнадцатой ежегодной международной конференции по иудаике в Москве.

¹⁴ Подробнее обо всех перипетиях юридического создания Джегонассского еврейского поселения можно прочитать: Колесов В.И., Сень Д.В. Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2000. № 3. С. 199–211.

¹⁵ См., напр., фото семьи джегонасцев (Назарова, Семенов 2018: 553).

¹⁶ Автор благодарит коллегу Ирину Реброву за копию предоставленного архивного документа.

Источники и материалы

Владимир 1904 — Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886 // Русский архив. 1904. Т. 114. Вып. 4. С. 664–682.

ВДОСК 1901 — Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год. Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Д.С. Нейфельда. Ростов-на-Дону: Издание И.А. Тер-Абрамиан, 1901. Паг. 2.

ВДОСК 1909 — Вся Донская область и Северный Кавказ на 1909 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону: Издание И.А. Тер-Абрамиан, 1909. Паг. 2.

ВДОСК 1911 — Вся Донская область и Северный Кавказ на 1911 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону, 1911. Паг. 4.

ВДОСК 1912 — Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону: Издание И.А. Тер-Абрамиан, 1912. Паг. 4.

ВПОМО 1909 — Состоящее под Августейшим покровительством государыни Императрицы Марии Федоровны Всероссийское Православное Миссионерское общество в 1908 году. М.: Типография “Русская печатня”, 1909.

ГАКК 1 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1434.

ГАКК 2 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3259.

ГАКК 3 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 449. Оп. 3. Д. 605.

ГАКК 4 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454.

ГАКК 5 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2.

ГАКК 6 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 2. Д. 2.

ГАКК 7 — Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 36.

- ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 17. Д. 1.
- Горские евреи 1901 — Горские евреи в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 04.08.1901. № 170.
- ИЦ ЕМЦТ 1 — Полевые материалы ИЦ ЕМЦТ. Экспедиция в города Пятигорск и Кисловодск; август 2022 г. Информанты: А.Б.Х. (1962 г.р., муж., уроженец Грозного, мать и жена по матери из *губониго*); Е.Н.М. (1941 г.р., жен., по матери из *губониго*).
- ИЦ ЕМЦТ 2 — Полевые материалы ИЦ ЕМЦТ. Экспедиция в города Пятигорск и Кисловодск; май 2023 г. Информанты: О.С.Ш.-Д. (1931 г.р., жен., родилась в с. Богдановке, по отцу и матери из *губониго*; дважды была замужем, оба мужа из кубанских горских евреев); Т.С.Д.-П. (1950 г.р., жен., род. в Усть-Джегуте, *губониго*).
- КК 1913 — Список торгово-промышленных заведений в населенных местах Кубанской области, имеющих более 10-ти тысяч // Кубанский календарь на 1913 год / Под ред. Л.Т. Соколова, при сотрудничестве А. Ст. Селевко. Екатеринодар: Издание Кубанского Областного Статистического Комитета, 1913.
- КК 1915 — Кубанский календарь на 1915 год. Екатеринодар: Издание Кубанского Областного Статистического Комитета, 1915.
- КОВ 1892 — Кубанские областные ведомости. 15.05.1892. № 95.
- КОВ 1902 — Кубанские областные ведомости. 09.07.1902 (вторник). № 148.
- Македонов 1908 — Македонов Л.В. Приложение 1. Бюджеты Казачьих семей-хозяйств // Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж: Типо-Лит. Т-ва Н. Кравцова и К° (бывш. Исаева), 1908. С. 1—103.
- Максимов 1903 — Максимов, Яков, свящ. Очерки Теберды // Кубанские областные ведомости. 27.11.1903 (четверг). № 257.
- Михайлов 1910 — Справочник по Ставропольской епархии. Составил свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар: тип. Куб.обл. Правления, 1910.
- Михайлова 2015 — Михайлова И.Х. Горские евреи в Великой Отечественной войне. М.: [б. и.], 2015.
- ООО 1899 — ООО. Еврейско-Джегонасский поселок // Кубанские областные ведомости. 24.10.1899. № 226.
- Павленко 1933 — Павленко И.П. Черкесская автономная область // Революция и горец. № 9. Ростов-на-Дону: Партиздат, 1933. С. 22—28.
- ПИП 1926 — Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону: Гостипография имени Коминтерна Севкавказполиграфте-ста, 1929.
- ПМА 2023 — Полевые материалы автора, собранные вместе с А.Г. Агабабян. Экспедиция в г. Нальчик; июль, 2023. Информанты: В.И.М. (1969 г.р., жен., уроженка Нальчика, по отцу *губониго*); Н.Ю.М. (1989 г.р., жен., уроженка Нальчика, отец считал себя *губониго*); А.А.Д. (1988 г.р., муж., уроженец Нальчика).
- РГИА 1 — Российский государственный исторический архив. Ф. 592. Оп. 15. Д. 1553.
- РГИА 2 — Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 752.
- Чурсин 1915 — Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1915. Т. XXIII. № 3.

Научная литература

- Анисимов И.Ш.* Кавказские еврей-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М.: тип. Е.Г. Потапова, 1888.
- Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–48.
- Богораз В.Г.* Новые задачи Российской этнографии в полярных областях. Петроград: Гос. изд-во, 1921.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бромлей Ю.В., Марков Г.Е.* (ред.) Этнография. Учебник. М.: Высшая школа, 1982.
- Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и истории природы. М.: Экспресс, 1993.
- Давид И.* История евреев на Кавказе. Т. 1. Тель-Авив: Кавкасион, 1989.
- Исаев М.И.* Татский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 174–177.
- Кнутссон К.Э.* Дихотомизация и интеграция: некоторые аспекты межэтнических отношений в южной Эфиопии // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006. С. 104–121.
- Колесов В.И., Сень Д.В.* Выборы, элиты, идентичность (случай горских евреев Кубанской области) // Материалы Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2 / Отв. ред. В. Мочалова. М.: Центр “Сэфер”, 2009. С. 401–413.
- Куповецкий М.С.* К исторической демографии территориальных групп горских евреев Азербайджана в XVII–XIX вв. // *Studia Anthropologica*: сборник статей в честь проф. М.А. Членова / Ред.-сост. А.М. Федорчук, С.Ф. Членова; науч. ред. О.В. Белова. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2010. С. 145–173.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Назарова Е.М.* Терминологическая ситуация с названием языка горских евреев // *Judaic-Slavic Journal*. 2020. № 2 (4). С. 60–85.
- Назарова Е.М., Семенов И.Г.* (науч. ред.) История и культура горских евреев. М.: Всемирный конгресс горских евреев, 2018.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Черный И.Я.* Горские евреи // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1870. С. 1–44.
- Членов М.А.* Таты на Кавказе: извилистая судьба одного этнонима // *Евразийский еврейский ежегодник*. 5768 (2207/2208) / Ред. В. Лихачев и др. М.: Паллада, 2008. С. 42–55.
- Шапира Д.* Общины евреев Востока на территории Российской империи и СССР // История еврейского народа в России. Т. 1, От древности до раннего Нового времени / Ред. И. Барталь, А. Кулик. М.: Мосты культуры, 2010. С. 77–90.

Research Article

Kolesov, V.I. On Local Groups of Mountain Jews of the Caucasus: The Case of *g'ubonig'o* – Dzhegonas Kuban Jews [O lokal'nykh gruppakh gorskikh evreev Kavkaza: na primere *g'ubonig'o* – dzhegonasskikh gorskikh evreev]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 29–47. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050033> EDN: ASXCFE ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Vladimir Kolesov | <https://orcid.org/0000-0003-1206-299X> | vovakolesov1971@gmail.com | independent researcher (Krasnodar, Russia)

Keywords

group formation, local groups, group factors, Mountain Jews, Dzhegonas Kuban Jews, North-Western Caucasus

Abstract

The article discusses the prospects of studying local groups that are part and parcel of larger communities. The Mountain Jews of the Caucasus are taken as an example of the larger community of the kind, while Dzhegonas Kuban Jews represent a local group in this case. I examine various aspects of the group organization, such as local identity in its combinations with other patterns of identification, religious identity, material culture (dwelling, food, clothing), and traditional economic activities (leatherworking, barter trade). I further trace the history of the group from its origins in the early nineteenth century up to the point of its dissolution in the mid-twentieth century, and put forward arguments about the specific features distinguishing the group.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 23-28-00106]

References

- Anisimov, I.S. 1888. Kavkazskie evrei-gortsy [Caucasian Mountain Jews]. In *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom etnograficheskom muzee* [The Dashkov's Ethnographical Museum Collections Paper]. Moscow: tipografiia E.G. Potapova.
- Barth, F., 2006. Vvedenie [Introduction]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], edited by F. Barth, 9–48. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Bogoraz, V.G. 1921. *Novye zadachi Rossiiskoi etnografii v poliarnykh oblastiakh* [Russian Ethnography New Problems at the Polar Areas]. Petrograd: Gosydarstvennoe izdatel'stvo.
- Bromlei, Y.V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays of the Ethnos Theory]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Y.V., and G.E. Markov, eds. 1982. *Etnografiia. Uchebnik* [Ethnography: Text-book]. Moscow: Vysshaia shkola.
- Chernyi, I.Y. 1870. Gorskie evrei [The Mountain Jews]. In *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Data Collection on Caucasian Mountaineers], III: 1–44. Tiflis: Tipografiia Glavnogo upravleniia namestnika Kavkazskogo.
- Chlenov, M.A. 2008. Taty na Kavkaze: izvilistaia sud'ba odnogo etnonima [Tat on a Caucasus: Zigzag Destiny of One Ethnonym]. In *Evroaziatskii evreiskii ezhegodnik* [Euro-Asia Jewish Yearbook], edited by V. Likhachev et al., 5768 (2207/2208): 42–55. Moscow: Pallada.

- David, I. 1989. *Istoriia evreev na Kavkaze* [History of the Jews in the Caucasus]. Vol. I. Tel-Aviv: Cavcasioni.
- Isaev, M.I. 2002. Tatskii yazyk [Language of Tat]. In *Yazyki narodov Rossii. Krasnaia kniga. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Red Book of National Languages of Russia: Encyclopedia], 174–177. Moscow: Academia.
- Gumilev, L.N. 1993. *Etnosfera: istoriia liudei i istorii prirody* [Ethnosphere: Human and Nature History]. Moscow: Ekopros.
- Kolesov, V.I., and D.V. Sen'. 2009. Vybory, elity, identichnost' (sluchai gorskikh evreev Kubanskoi oblasti) [The Election, Elites, Identity (Case of Mountain Jews of Kuban Region)]. In *Materialy Shestnadsatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaïke* [Proceedings of the Sixteenth Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies], edited by V. Mochalova, 2: 401–413. Moscow: Tsentr "Sefer".
- Knutsson, K.E. 2006. Dikhotomizatsiia i integratsiia: nekotorye aspekty mezhetnicheskikh otnoshenii v yuzhnoi Efiopii [Dichotomization and Integration: Aspects of Inter-Ethnic Relations in Southern Ethiopia]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], edited by F. Barth, 104–121. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kupovetsky, M.S. 2010. K istoricheskoi demografii territorial'nykh grupp gorskikh evreev Azerbaidzhana v XVII–XIX vv. [About the Historical Demography of the Azerbaijan Mountain Jews Territorial Groups at 17th–19th Centures]. In *Studia Anthropologica: sbornik statei v chest' prof. M.A. Chlenova* [Studia Anthropologica: A Festschrift in Honour of Michael Chlenov], edited by A.M. Fedorchuk, S.F. Chlenova, and O.V. Belova, 145–173. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury; Gesharim.
- Latour, B. 2014. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriuu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izdatel'ski dom Vyshei shkoly ekonomiki.
- Nazarova, E.M. 2020. Terminologicheskaiia situatsiia s nazvaniem yazyka gorskikh evreev [Terminological Situation with the Name of the Language of the Mountain Jews]. *Judaic-Slavic Journal* 2 (4): 60–85.
- Nazarova, E.M., and I.G. Semionov, eds. 2018. *Istoriia i kultura gorskikh evreev* [Mountain Jews History and Culture]. Moscow: Vsemirnyi kongress gorskikh evreev, 2018.
- Shapira, D. 2010. Obshchiny evreev Vostoka na territorii Rossiiskoi imperii i SSSR [Oriental Jewish Societies of the Russian Empire and USSR]. In *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii* [History of the Jews in Russia]. Vol. 1, *Ot drevnosti do rannego Novogo vremeni* [From Antiquity to the Early Modern Period], edited by I. Bartal and A. Kulik, 77–90. Moscow: Mosty kul'tury.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekvïem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for a Ethnos: Social and Cultural Anthropology Study]. Moscow: Nauka.